

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

5175

СОСТАВЛЕНА ПО ИСТОЧНИКАМЪ И НОВѢЙШИМЪ ИССЛѢДОВАНИЯМЪ

ПРИ УЧАСТИИ

РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ И ЛИТЕРАТОРОВЪ.

НАЧАТА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. О. КОРША.

ОКОНЧЕНА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФ. А. КИРПИЧНИКОВА.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ЛИТЕРАТУРА „ПРОСВѢЩЕНІЯ“ — НИДЕРЛАНДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. —
СКАНДИНАВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — ТУРЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА. —
ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ XIX СТОЛѢТІЯ

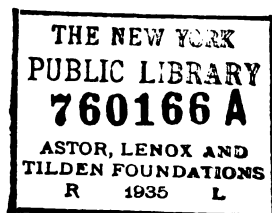
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ К. Л. РИККЕРА.

Невскій просп., д. № 14.

1892.

19

2017

Н.О. 5 ЛИН. 283

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

	СТР.
ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII СТОЛѢТІЯ. <i>Алексѣя Н. Веселов-</i>	
<i>скаго.</i>	1
НѢМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII в. <i>А. Кир-</i>	
<i>пичникова.</i>	96
ВѢКЪ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ИТАЛІИ <i>А. Кирпичникова</i>	163
ВРЕМЯ ГЕТЕ И ШИЛЛЕРА. ВОЗНИКНОВЕНІЕ РОМАНТИЧЕСКОЙ	
ШКОЛЫ ВЪ ГЕРМАНИИ. <i>А. Кирпичникова</i>	178
ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ НИДЕРЛАНДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. <i>А. Кирпичникова.</i>	284
СКАНДИНАВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. <i>Э. М. Диллена.</i>	317
ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ТУРЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. <i>В. Д. Смирнова</i>	425
ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ XIX СТОЛѢТІЯ. <i>А. Кирпичникова.</i>	
Глава I. Революція и реакція во Франціи. Время консульства и имперіи.	555
Глава II. Англійская литература въ началѣ XIX вѣка. В. Скоттъ, Байронъ и Шелли	596
Глава III. Нѣмецкая литература въ первыя десятилѣтія XIX вѣка.	676
Глава IV. Романтизмъ во Франціи и современная ему литература.	754
Глава V. Итальянская литература XIX вѣка	846
Глава VI. Испанская и португальская литература въ XIX вѣкѣ.	874
Глава VII. Скандинавскія страны. Голландія, Венгрія, Финляндія и Румынія	901
Глава VIII. Англійская литература новѣйшаго времени. С.-Американская литература	981
Глава IX. Нѣмецкая литература въ послѣднія десятилѣтія	976
Глава X. Французская литература второй имперіи и третьей республики	1020
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	1049

I. ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII СТОЛѢТІЯ.

Алексіѣ Веселовскаго.

Главныя пособія: Hettner. Geschichte der französischen Literatur.

Taine. Les origines de la France contemporaine, первый томъ.

Albert Sorel. L'Europe et la révolution française. 1887, I.

Sainte-Beuve. Causeries du lundi.—Portraits littéraires.

Rocquain. L'esprit révolutionnaire avant la révolution.

По Монтескье: Vian. Histoire de Montesquieu.—Sorel. Montesquieu. (Grands écriv. français).

По Вольтеру: Desnoiresterres. Voltaire et la société au 18 siècle.

D. F. Strauss. Voltaire, sechs Vorträge.

John Morley. Voltaire. 1872.—Mahrenholz. Volt. Leben u. Werke.—

Eduard Hertz. Volt. und die französis. Strafrechtspflege im 18 Jahrh. 1887.—„Этюды“. В. Кюша; Михайловскій, „Вольт. человекъ и В. мыслитель“; статья Розенкранца въ Нов. Пугтархъ, изд. Бакста, 1875.

По Дидро: Rosenkranz. Diderots Leben u. Werke.—J. Morley. Diderot and the encyclopedists (русск. переводъ).—Изданіе сочин. Д. подъ редакц. Ассеза и М. Турнѣ.—Бильбасовъ. Дидро и Екатерина; Алексѣй Веселовскій. Дни Дидро (Вѣстн. Евр. 1884).

По Руссо: Исповѣдь, перев. Ѳ. Устрялова. — Streckeisen-Moulton. Rousseau, ses amis et ses ennemis.—Morley. Rousseau (русск. перев.).—Ritter. Nouv. recherches sur les Confessions.—Brockerhoff, Rousseau, sein Leben etc.—S. Marc Girardin. Rousseau.—Алексѣевъ. Руссо во Франціи. 1887.

По Бомарше: Loménie. Beaum. et son temps.—Bettelheim. Beaumarchais.—Lintilhac. Beaum. et ses oeuvres.—Веселовскій. Бомарше и его судьба (Вѣст. Евр. 1887).

Scherer. Grimm, l'homme de lettres, le factotum, le diplomate.

Lucien Perey et G. Maugras: Correspondance de Galiani.—Jeunesse de Mad. d'Épinay; Dernières années de M. d'Ep; Voltaire et Rousseau.

Larroumet. Marivaux, sa vie et ses oeuvres.—Avezac-Lavigne. Diderot et la société du baron d'Holbach.—Barni. Les moralistes fr. au 18 s.

Feuillet de Conches. Les salons de conversation.—Charles Henry. Oeuvres et corresp. inéd. de D'Alembert. 1887.

Rannié. Chansonnier historique du 18 s.—Correspondance littéraire de Grimm, Diderot, Meister, изд. Турнѣ.—Desnoiresterres. Comédie satirique au 18 s.—Caro. La fin du 18 s.—D'Haussonville. Le salon de Madame Necker.—Welschinger. Le théâtre de la révolution.—Lenient. La comédie en France au 18 s.—Loménie. Les Mirabeau.

Не лѣтописью блестящихъ успѣховъ французской мысли, доставившихъ ей первенствующее значеніе въ Европѣ прошлаго вѣка, долженъ начинать свое повѣствованіе историкъ литературы этого періода. Грозѣ предшествуютъ отдаленные раскаты грома, блѣдныя вспышки молніи. Такъ въ народной жизни коренной переломъ всегда задолго предсказывается частными проявленіями политическаго, общественнаго, литературнаго протеста. Постепенно сливаясь и охватывая массу, они образуютъ неодолимую силу. Просвѣтительный періодъ со всѣми его выдающимися чертами, гуманная проповѣдь энциклопедистовъ, скептицизмъ Вольтера, социальная сатира Бомарше уже намѣчены въ самомъ началѣ вѣка; изслѣдователи движенія 1789—93 годовъ точно также ищутъ его корней во время наибольшаго напряженія могущества Людовика XIV и любятъ изучать развитіе «революціоннаго духа до революціи».

Пусть по заведенному порядку французскіе историки литературы суживаютъ отдѣлъ ея, отведенный прошлому вѣку, въ рамки, разграниченныя 1715 годомъ, какъ порою смерти Людовика, и взятіемъ Бастиліи; цѣлесообразнѣе и научнѣе, кажется, будетъ подняться къ самому рубежу двухъ столѣтій, и съ другой стороны, слѣдя за судьбою идей, войти хотя нѣсколько въ глубь того переворота, гдѣ уже начинаютъ обозначаться отличительные признаки умственныхъ теченій 19 столѣтія.

Въ то время, какъ побѣды французскихъ армій, успѣхи дипломатіи и блескъ придворной словесности еще ослѣпляли Европу, поддерживая вѣру въ недостижимое превосходство изящной версальской культуры и на диво централизованной власти, сколько нибудь проникательный наблюдатель могъ безъ труда распознать, что далеко не все дышетъ благополучіемъ въ этой передовой странѣ, что обманчивый блескъ едва прикрываетъ начинающееся разложеніе, что непобѣдимость армій, сказочное богатство казны, проникательность внѣшней политики ничто иное, какъ рядъ мимовъ; нравственное паденіе общества, нетерпимость и фанатизмъ церковниковъ, ханжество, овладѣвшее и королемъ, и его дряхлѣвшею подругою, сѣть интригъ, финансовыхъ спекуляцій, вымогательствъ послѣдняго гроша у трудовыхъ классовъ, — вотъ что представлялось безпристрастному наблюдателю, и, если онъ одаренъ былъ способностью слышать, до него должны

были долетать звуки съ трудомъ сдерживаемаго ропота. Истинное состояніе литературы и науки точно также мало соответствовало ходячему представленію объ ихъ служебной роли, объ удивительномъ уравненіи всѣхъ мѣнѣй, приведшемъ будто бы къ господству изящно выраженныхъ и безвредныхъ общихъ мѣстъ. Въ самыхъ нѣдрахъ той школы, что доселѣ слыветъ подъ безсодержательнымъ именемъ же-классицизма, зрѣла независимость мысли, отважно порывавшей существующій порядокъ. Въ этомъ сходились въ свое время и Мольеръ съ его безпощаднымъ разоблаченіемъ соціальной гнили, значенія котораго Людовикъ никогда не былъ въ состояніи понять, и Лафонтенъ, проникавшій въ басняхъ до сокровеннѣйшихъ уголковъ общественного порядка и за то наказанный немилостью, Лабрюйеръ и даже безукоризненный Буало. Къ этимъ голосамъ скоро присоединились совсѣмъ уже ничѣмъ не стѣсненные мѣнѣя людей, ушедшихъ на чужбину отъ гнета. Голландія, Швейцарія, Англія становились желаннымъ убѣжищемъ этихъ эмигрантовъ, постоянно сносившихся съ родиной, направлявшихъ издали общественное, религіозное, научное движеніе и образовавшихъ внѣ отечества нѣсколько важныхъ центровъ французской умственной дѣятельности. Начало 18 вѣка еще застало въ живыхъ спасагося въ Голландію прямого предшественника Вольтера, Пьера Бейля († 1703), уже покрытаго славою смѣлыхъ нападеній на догматику, на политическій и нравственный кодексъ, и на застарѣлые предрасудки; его осыпая ореолъ мученика за идею, а его «Историко-критическій словарь» казался неистощимымъ арсеналомъ для борьбы съ старымъ порядкомъ, гдѣ бы она ни велась. Возрожденная свободою Англія также начинала уже тогда привлекать тѣхъ, кто не въ силахъ былъ помириться съ домашнимъ гнетомъ,—и остроумный вельможа Сентъ-Эвремонтъ, этотъ предтеча новѣйшей критики, высоко цѣнимый въ свое время за вѣрность эстетическихъ сужденій, но не угодившій своему повелителю, сдѣлался въ изгнаніи ровностнымъ англоманомъ и тонкимъ порицателемъ не однихъ только литературныхъ несовершенствъ во Франціи. Англійское научное вліяніе также сказалось задолго до энциклопедистовъ. Фонтенель въ своихъ «Entretiens sur la pluralité des mondes» собралъ въ общедоступной формѣ то, что дало ему прилежное изученіе натуралистовъ и авторитетныхъ писателей по астрономіи и небесной механикѣ; несмотря на крайнюю сдержанность его тона, Фонтенеля ослабили безбожникомъ, и онъ едва уцѣлѣлъ отъ преслѣдованій. Волновались и церковные круги, гдѣ ни за что не хотѣла замолкнуть агитація, требовавшая самоуправленія галликанской церкви. Иезуиты призвали на помощь папскій авторитетъ; знаменитая въ свое время булла Unigenitus какъ снѣгъ на голову упала на французское духовенство; низверг-

нуты были громы на трактатъ любимаго во Франціи церковнаго писателя Кенеля: «*Reflexions morales sur le Nouveau Testament*»; изъ него извлечено сто тезисовъ, и всѣ они объявлены еретическими. Разгорѣлась вражда, отразившаяся не только въ богословскихъ сочиненіяхъ, но и во множествѣ брошюръ, памфлетовъ, сатирическихъ пѣсенъ. Когда изъ Рима прислана была обязательная «церковная конституція», парижское духовенство, по большей части принадлежавшее къ янсенистскому толку, еще рѣзче заявило свою независимость. Парламентъ отказался занести этотъ уставъ въ свои записи законовъ; противодѣйствіе духовенства сливалось съ оппозиціей высшаго суда, не пропускавшаго случая для осужденія произвола. Въ аристократической средѣ также слышались недовольные голоса честолюбцевъ, придавленныхъ всевластіемъ короля, оскорбленныхъ успѣхами капитализма, сильно поднявшагося въ послѣдніе годы правленія Людовика, досадовавшихъ на обязательность нравственнаго и набожнаго лицемерія, нетерпѣливо ожидавшихъ возможности вернуть потерянное и зажить непринужденно.

Защитникъ Беранже передъ судомъ времени реставраціи, Дюпенъ, въ превосходной рѣчи, обозрѣвавшей исторію французской сатирической пѣсни, неизмѣнной спутницы народа, назвалъ Францію «абсолютной монархіей, ограниченной пѣснями». Къ изучаемой порѣ, какъ замѣчаетъ Эм. Ронзэ, это опредѣленіе въ особенности приложимо. Безъименная пѣсня, разоблачавшая завѣтныя тайны, все знавшая и никого не щадившая, первая вступилась за поруганную честность, справедливость и здравый смыслъ. Въ обширномъ собраніи, составленномъ въ прошломъ вѣкѣ Клерамбо и Морепѣ и теперь изданномъ, сотни злыхъ куплетовъ развѣнчиваютъ короля и его близкихъ, раскрываютъ интимныя біографіи министровъ и свѣтскихъ дамъ, и клеймятъ ихъ позорными именами. Отъ этихъ пѣсенъ прямой переходъ къ политическимъ стихотвореніямъ молодого Вольтера и его сверстниковъ. Одинъ изъ нихъ, Антуанъ-Луи Лебрэнъ, въ желчной сатирѣ, многими приписанной будущему автору Кандида, собралъ всѣ безотрадные черты современности, разбѣянные по отдѣльнымъ *chansons*. Заглавіе уже краснорѣчиво, — «Несчастія конца царствованія Людовика», или, какъ говорилось тогда въ просторѣчьи, «*Les j'ai vu*». «Печальныя событія видѣлъ я на своемъ вѣку», горюетъ стихотворецъ. «Я видѣлъ Бастилію, Венсеннъ, Шатле, Бисетръ и тысячу тюремъ, переполненныхъ честными гражданами, вѣрными подданными. Я видѣлъ свободу отнятою, здравый смыслъ постоянно попираемымъ. Я видѣлъ народъ стонущимъ отъ жестокой неволи. Я видѣлъ солдатъ, умирающихъ отъ голода, томящихся отъ обидъ и негодованія. Я видѣлъ подъ одеждою женщины демона, предписывавшаго намъ за-

коны... Я видѣлъ лицемѣровъ въ почетѣ; видѣлъ (и этимъ все сказано) іезуита, котораго всѣ обожали. Я видѣлъ это въ мрачное царствованіе государя, котораго небесный гнѣвъ послалъ намъ въ наказаніе за наши пламенные желанія. Все это я видѣлъ, — а мнѣ еще нѣтъ и двадцати лѣтъ!»

Заодно съ пѣсней и политической сатирой ратовала комедія. Свобода обличенія со сцены, всегда считавшаяся опаснѣйшею въ глазахъ деспотическихъ правительствъ, была, разумѣется, стѣснена донельзя, но, какъ невозможно было помѣшать народной эпиграммѣ, этой «окогченной летунѣ», внезапно впиваться въ свою жертву, такъ никакія цензурно-полицейскія мѣры не могли унять своеволія народной комедіи. На многочисленныхъ парижскихъ ярмаркахъ изстари процвѣтала она, выступая на подмосткахъ простыхъ балагановъ, часто импровизованная въ итальянскомъ вкусѣ, съ раннихъ поръ мятежная; она потѣшалась и надъ высшею властью, и надъ полиціею, и надъ своими соперниками, королевскими актерами, къ которымъ толпа видимо охлаждѣвала ради своихъ старыхъ любимцевъ. Обширная народно-комическая литература (обзоръ ея изданъ Эм. Кампардономъ въ «Théâtre de la foire») развивалась, несмотря на притѣсненія. Когда запрещены были куплеты, діалогъ сталъ еще оживленнѣе; сократили его, — развилась выразительная пантомима; актеръ развертывалъ иногда передъ публикой длинный свитокъ, на которомъ написана была его роль, или же сверху спускалась красивая кукла, наконецъ даже живой ребенокъ, держа въ рукахъ подобные же свитки въ то время, какъ актеръ, стоя внизу, дѣлалъ подходящія жесты.

Но и на большую сцену, хотя и не безъ борьбы, попадали произведенія, отмѣченные тѣмъ же оппозиціоннымъ духомъ. Нужно было много энергіи, чтобъ одолѣть препятствія, побороть стачку противниковъ, и вынести послѣдствія рѣзкаго обличенія. Это испыталъ талантливѣйшій изъ комическихъ писателей начала прошлаго вѣка, Лесажъ (Alain René Lesage, 1668—1747), когда отважился поставить на сцену своего Тюркаре и въ немъ изобразить правдивую картину быта финансовыхъ тузовъ, откупщиковъ и подрядчиковъ, становившихся важною силой и при дворѣ, и въ обществѣ. Осмѣивать ихъ значило затрогивать ихъ покровителей, высоко поставленныхъ, но поработенныхъ различными займами, одолженіями, участіемъ въ барышахъ. Жажда наживы все сильнѣе охватывала общество, не исключая даже стараго короля, къ соблазну для многихъ увлекавшагося азартной игрой. Характеры игроковъ, выведенные въ романахъ и комедіяхъ прошлаго вѣка (наприм. въ *Le joueur* Реньяра), показываютъ, до чего было сильно тогда общественное безуміе. Искусные спекуляторы скупали за безцѣнокъ родовыя имѣнія. Одно время пять, шесть капитали-

ство держали въ своихъ рукахъ весь Парижъ, и всюду имѣли агентовъ и шпионовъ. Лесаажъ оказалъ важную общественную услугу, разоблачивъ эту новую язву. Провѣдавъ объ опасности, финансисты засуетились, предлагали автору 100,000 ливровъ отступного, порывались вмѣшаться въ дѣло короля, заявляли о государственной опасности такого произведенія, и все-таки добились того, что Тюркаре могъ появиться на сценѣ лишь съ сокращеніями (1709 г.).

Герой комедіи (говорять, срисованный съ натуры) вышелъ изъ низшихъ слоевъ и признается, что почти ничему не учился; «это намъ не нужно, были бы ловкія руки и смѣтливость». Онъ былъ сторожемъ на заставѣ; въ сумерки нельзя уже было свободно проходить въ городъ, но Тюркаре пропускалъ тѣхъ, кто покупалъ у него этотъ пропускъ.

Такъ научался онъ наживать. Обогащеніе пошло быстро. Черезъ нѣсколько лѣтъ бывшій сторожъ стоитъ уже во главѣ компаніи хищниковъ; онъ беретъ подряды и откупа, за нимъ ухаживаютъ свѣтскіе люди и модныя дамы. Самъ онъ ищетъ теперь любовныхъ интригъ въ большомъ свѣтѣ, и достигаетъ цѣли; въ любви онъ такъ-же грубъ и самоуправенъ, какъ во всемъ. Чтобы понравиться кокеткѣ-баронессѣ, онъ соритъ деньгами,—пусть каждая бездѣлка въ ея домѣ напоминаетъ о его славѣ; въ порывѣ ревности онъ бьетъ дорогія зеркала, посуду, утѣшаясь тѣмъ, что у него еще много денегъ. Нечего и говорить, что баронесса безстыдно обманываетъ его вмѣстѣ со своимъ обожателемъ, разорившимся шевалье, — ситуация, напоминающая Мѣщанина въ дворянствѣ; но гораздо опаснѣе для него тотъ тайный врагъ, который неразлученъ съ Тюркаре и до времени выступаетъ его наперсникомъ. Лесаажъ, мастерски нарисовавшій типъ пронырливаго слуги въ комедіи «Crispin rival de son maître», выводитъ два еще болѣе жизненные характера: лакея Тюркаре, Фронтена, и субретки баронессы, Лизетты. Оба они, глядя на соблазнительные примѣры быстрого обогащенія, соединяютъ свое плутовство, чтобы скорѣе достигнуть цѣли. Всѣми неправдами добиваются они той цифры, которую поставили себѣ въ концѣ своихъ желаній. Пускаются въ ходъ и мнимыя пропажи денегъ, и поддѣлка документовъ, и появленіе подставного судебного пристава, который дѣлится барышами съ своими пріятелями. Одна воровская шайка видимо осиливаетъ другую. Лизетта уже томится видѣніями своего будущаго величія, оправдывая себя тѣмъ, что всѣхъ и каждого соединяетъ теперь круговая порука: Тюркаре грабитъ, гдѣ только можетъ, баронесса обираетъ Тюркаре, они обираютъ обоихъ. Мало-по-малу всплываетъ много темныхъ дѣяній зазнавагосся откупщика, его семейныя отношенія, денежныя плутни; онъ запутывается въ уголовное дѣло;

кассиръ его бѣжить съ огромными суммами. Пѣсня богача спѣта; Фронтенъ во время суматохи успѣлъ захватить порядочный кушъ и самодовольно говорить своей будущей женѣ: «Царство Тюркаре кончилось, теперь начинается наше!».

Послѣ долгаго перерыва, снова раздалось на театрѣ правдивое слово, и комедія, веселая и насмѣшливая, но послѣ Мольера сильно понизившая тонъ подъ перомъ Данкура, Детуша и Реньяра, возвращалась къ социальной сатирѣ и здоровому реализму. Подобно Гоголю и автору Школы женщинъ, Лесаажъ захотѣлъ посчитаться съ толками и нападками, вызванными пьесой, и въ самокритикѣ (*Critique de la comédie de Turcaret*) сдѣлалъ глашатаями своими хромого бѣса и Дона Клеофаса, которые, сидя въ театрѣ, только что видѣли пьесу и теперь вглядываются въ выраженіе лицъ, анализируютъ настроеніе зрителей. Они видятъ въ одной ложѣ старика и молодую даму съ очень недовольными минами,—это Тюркаре и его баронесса; они узнали себя; подальше сидитъ нарядная красотка, видимо также раздраженная; всевѣдущій Асмодей знаетъ, что сцена съ битьемъ зеркалъ происходила именно у нея въ прошлый карнаваль. Въ корридорахъ ораторствуютъ критики и законодатели свѣтскаго вкуса, громятъ непристойность пьесы, находятъ въ ней сотни тысячъ недостатковъ, возмущены тѣмъ, что «авторъ слишкомъ точно воспроизводитъ нравы», что въ его пьесѣ нѣтъ ни одного порядочнаго человѣка.

То были нападки, выпадавшіе на долю избраннѣйшихъ сатириковъ во всѣ времена. Лесаажъ по праву заслуживалъ чести быть включеннымъ въ ихъ число. Онъ доказалъ это еще разительнѣе, когда въ двухъ большихъ романахъ примѣнилъ свою наблюдательность и критическій методъ къ изображенію всей совокупности общественныхъ явленій. Гоненія на его комедію заставили его, какъ драматурга, перейти отъ большой сцены къ вольнымъ ярмарочнымъ театрамъ, для которыхъ онъ много поработалъ. Сфера романа показала ему болѣе нейтральною для достиженія высшихъ цѣлей обличенія; онъ только постарался прикрыть картины подлинныхъ французскихъ нравовъ легкимъ и весьма прозрачнымъ слоемъ чужеземной или же фантастической окраски, и, хорошо знакомый съ испанской литературой, взялъ у нея необходимыя для того данныя. Такъ и его Хромой Бѣсъ (1707 г.), замыселъ котораго внушенъ новеллой Гевары, и Похожденія Жиль-Блаза (1715 г.), несмотря на испанскія имена дѣйствующихъ лицъ, городовъ и т. д., переносятъ читателя въ послѣдніе годы Людовика XIV и рисуютъ городскую, сельскую, судебную, литературную жизнь во всѣхъ ихъ развѣтвленіяхъ. Если лукавый бѣсъ, приподнимая крыши домовъ во время своего блужданія по городу, показываетъ своему спутнику неприглядныя домашнія

сцены, скрытыя отъ стороннихъ взоровъ, и рисуетъ людей съ ихъ пороками и низостями, то въ этихъ злыхъ наброскахъ съ натуры обнаруживается скорѣе сѣрдцевѣдѣніе вообще, — зато безконечныя, необычайныя приключенія Жиль-Блаза, стягивающія интересъ романа къ испытаніямъ одного человѣка, даютъ возможность пересмотрѣть всѣ показныя стороны и всѣ закоулки французскаго быта. Не навязывая читателю прѣсной морали, не дѣлая героя образцомъ добродѣтели, гонимой порокомъ, а напротивъ, выдвигая въ немъ сильную примѣсь продувнаго плутовства, помогающаго ему извиваться среди превратностей и всегда находить выходъ, Лесаажъ предоставляетъ фактамъ говорить за себя; юморъ освѣжаетъ трезвость его наблюдений, заставляя отгадывать у мнимо безпечнаго, добродушнаго рассказчика благородное и негодующее сердце. Все это отводитъ Лесаажу одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи реалистическаго романа. Матеріалы для развитія этого направленія накопились еще въ предшествовавшій періодъ; обыкновенно обращаютъ слишкомъ мало вниманія на правоописательныхъ романистовъ 17 вѣка. Не только Скарронъ, но и Фюртьеръ съ своимъ «*Roman bourgeois*» и Шарль Сорель съ «*Исторіею Франсіона*», даютъ нерѣдко очень удачныя и правдивыя изображенія Парижа и провинціи, клерикальныхъ, судебныхъ, писательскихъ нравовъ, даже быта полусвѣта, — но ни одинъ изъ этихъ родоначальниковъ бытового романа не имѣлъ таланта и вліянія Лесаажа, слава котораго, особенно благодаря Жиль-Блазу, передалась и позднѣйшимъ поколѣніямъ.

Когда стараго короля не стало, все недовольство и презрѣніе, которыя накопились въ безконечный періодъ его всевластія, вырвались наружу. Послышались отовсюду проклятія; сатирическая народная пѣсня завладѣла репутаціею умершаго и послала ему въ слѣдъ злобныя напутствія или небрежно-ѣдкія шутки; во время перенесенія тѣла въ Сентъ-Дени толпа осыпала безвреднаго теперь властителя оскорбленіями, бросала въ гробъ грязью. Такъ сошелъ со сцены «король-солнце», которому когда-то могли приписать горделивое заявленіе, что все государство въ немъ. Настала новая пора, несмотря на свою краткость (1715 — 1723) надолго ставшая памятною для страны, — пора регентства, обогатившая международный жаргонъ Европы новымъ, типическимъ словомъ, *régence*, отъ котораго такъ и отдавало букетомъ изящнаго кутежа. То была естественная реакція противъ монашеской мертвенности, которую втѣснялъ въ свой развязный нѣкогда дворъ покаявшійся Людовикъ. Сдерживаемыя дотолѣ страсти вырвались на свободу. Филиппъ Орлеанскій вовсе не готовился къ правленію; его воспитатель, извѣстный впослѣдствіи Дюбуа, глубоко безнравственный искатель приключеній, казалось, нарочно употреб-

лялъ всѣ старанія, чтобъ развратить своего питомца, который отъ него рано узналъ всѣ тонкости виртуознаго разврата, превышавшаго то, что прежде было въ ходу у отъявленныхъ спеціалистовъ этого рода. Между тѣмъ, по словамъ Сенъ-Симона, Филиппъ смолоду обнаруживалъ недюжинныя способности и особенную склонность къ военному дѣлу. Но король запретилъ ему вступать въ армию и тѣмъ задержалъ его въ растлѣвающей атмосферѣ. Тѣмъ не менѣе, вступая въ управленіе Франціей, регентъ какъ будто отрезвился и первыми своими мѣрами привлекъ къ себѣ сердца; въ немъ стали чествовать избавителя и вѣрили въ наступленіе эры справедливости и законности. Парламенту были возвращены его права, г-жа Ментенонъ очутилась въ немилости, янсенистамъ и протестантамъ обѣщана была свобода совѣсти, въ Римѣ дано было знать, что регентъ не приметъ папской буллы, вредящей французскому церковному самоуправленію. Но противники не дремали и запугивали регента доносами; въ 1717 году открытъ былъ заговоръ, обѣщавшій передать престолъ испанскому королю. Поддаваясь прелести повелѣвать, Филиппъ мало-по-малу охладѣвалъ къ реформамъ, оскорблялся малѣйшимъ порицаніемъ своихъ дѣйствій, начиналъ прибѣгать къ старымъ репрессивнымъ приемамъ, снова позволилъ іезуитамъ приобрѣсти значеніе. Недовольство усилилось, особенно подъ влияніемъ финансоваго кризиса, вызваннаго неумѣlostью правительства. Неминуемое государственное банкротство было однимъ изъ тяжкихъ наслѣдій, оставленныхъ старымъ порядкомъ вещей; избѣгнуть его можно было бы только кореннымъ переустройствомъ всего хозяйства страны. Въмѣсто того достаточно было появленія ловкаго афериста съ фантастическими планами всеобщаго обогащенія, чтобъ передать въ руки его и государственное достояніе, и частныя капиталы.

Джонъ Ло съ своимъ ассигнаціоннымъ банкомъ, бумажными деньгами, компаніей для торговли съ Америкой и заморской колонизаціи вызвалъ денежную горячку во французскомъ обществѣ, которое бросилось во всевозможныя спекуляціи и биржевую игру. Забывая сословную ровнь, знатныя дамы продавали въ лавочкахъ на площадяхъ Парижа акціи компаніи, принимая въ уплату брилліанты и другія драгоценности. Писатели прославляли Ло, народныя пѣсенки сравнивали его съ Мидасомъ, обрацавшимъ все, до чего онъ ни касался, въ золото. Когда пароксизмъ общаго безумія смѣнился разочарованіемъ, когда компанія оказалась несостоятельною, всѣ стали сбывать бумаги, и настало разореніе для довѣрчивой массы, на «систему» (какъ называли выдумки Ло) посыпались проклятія. Они въ сильной степени распространялись и на регента, который своею санкціею поддержалъ недостойное дѣло. Съ той поры личность его становится

предметомъ всевозможныхъ обвиненій, иногда чудовищныхъ и ни на чемъ не основанныхъ. Произведенія, выразившія этотъ поворотъ общественнаго мнѣнія, поднялись до чрезвычайно рѣзкаго тона и дышатъ ненавистью. Малоизвѣстный дотолѣ Лагранжъ-Шансель, вспомнивъ Демосеена и его филиппики, написалъ нѣсколько стихотвореній, по самому уже заглавію «*Les Philippiques*» прямо направленныхъ противъ регента. За первое же изъ нихъ онъ былъ брошенъ въ тюрьму, бѣжалъ оттуда, скитался и, приблизившись къ Франціи, снова принялся за свои обличенія. Подъ вліяніемъ озлобленія въ регентѣ не осталось и слѣда прежняго либерализма; онъ безцеремоннѣе, чѣмъ когда либо, отдался разгульной жизни и жестоко отплачивалъ оппозиціи,—а она тѣмъ временемъ все крѣпла и объединялась. Возникли политическіе клубы, салоны получали значеніе центровъ общественнаго мнѣнія. Въ двухъ шагахъ отъ дворца, на антресолѣ (бельэтажѣ) большого дома стало собираться по вечерамъ нѣсколько единомышленниковъ, прозвавшихъ свои совѣщанія *le club de l'entresol*, обсуждавшихъ дѣйствія правительства, средства остановить нравственное паденіе общества, желательныя реформы. Число членовъ возрастало; съ теченіемъ времени на антресолѣ стали появляться провинціальный литераторъ, президентъ бордосской судебной палаты, замѣчательно развитой, хотя съ привычками избалованнаго барича, баронъ Секонда де-ла Бредъ, получившій по смерти отца родовое имя Монтеस्कье (род. 1689 г., ум. 1755).

Потомство привыкло видѣть въ Монтеस्कье лишь глубоко серьезнаго мыслителя. Новѣйшіе его біографы (Віанъ, Альбертъ Сорель) раскрыли въ его характерѣ любопытныя противорѣчія. Монтеस्कье все-таки въ извѣстной степени выразитель эпохи регентства. По происхожденію Гасконецъ, онъ надѣленъ типическими особенностями этого племени: лукавъ, смѣтливъ, остроуменъ, любитъ вольную шутку,—и въ то же время способенъ къ сосредоточенной работѣ мысли. Въ авторѣ позднѣйшаго Духа законовъ нелегко отгадать того тонкаго юмориста, который въ молодые годы могъ написать «Персидскія письма». Впослѣдствіи, когда за Монтеस्कье закрѣпилась слава реформатора законодательства и «учителя государей», ему совѣстно было вспоминать объ этихъ нѣсколько фривольныхъ Письмахъ,—но, не говоря уже объ ихъ прямыхъ достоинствахъ, они не выдѣлимы ни изъ его біографіи, ни изъ современной литературы. Монтеस्कье зналъ по чужому опыту, какъ опасно было въ ту пору дѣло сатирика. Страшныя наказанія, въ родѣ заключенія въ «железную клітку» въ форть Сень-Мишель, выпадали нерѣдко на долю писателя за мелкія оппозиціонныя выходки. Въ виду этого онъ прибѣгнулъ къ анониму, и отрекался, когда ему приписывали столь смѣлое произ-

ведение; даже рѣдкій успѣхъ «Писемъ» не придавъ ему рѣшимости въ этомъ отношеніи,—въ 1721 г. вышло четыре авторскихъ изданія и четыре контрфакціи, быстро расхвачанныя; книгопродавцы при- ставали ко всѣмъ, кто владѣлъ перомъ, и заказывали «что нибудь въ родѣ Персидскихъ Писемъ».

Монтескье не зналъ востока и дѣлалъ смѣшныя ошибки; это была только забавная аллегорія, которая позволяла свободнѣе высказаться. Онъ былъ тогда подъ вліяніемъ перевода «Тысячи и одной ночи» и путешествія въ Персію Шардэна, — восточный колоритъ явился какъ-то самъ собой. Двое персіянъ, Рика и Узбекъ, долго притворялись любителями западнаго просвѣщенія,—говоритъ авторъ,—и подъ конецъ до того съ этимъ свыклись, что со- чли необходимымъ съѣздить въ Парижъ, какъ центръ міровой куль- туры. Узбеку, славившемуся своимъ гаремомъ, евнухъ долженъ былъ писать, что дѣлается въ его отсутствіе въ Персіи. Такимъ образомъ идутъ параллельно рассказы о Парижѣ и французахъ, и болѣе или менѣе воображаемыя сцены изъ восточной жизни; послѣднее было необходимо для большей правдоподобности тона всей книги. Пріѣхавъ во Францію, Персіяне переходятъ отъ изумленія къ изумленію. Они застали Людовика XIV на склонѣ дней; недовольство растеть, и они слѣдятъ за его развитіемъ.

«Король Франціи—самый могущественный правитель въ Европѣ; у него нѣтъ золотыхъ рудниковъ, какъ у его сосѣда, короля испанскаго, но онъ основываетъ свое богатство на тщеславіи подданныхъ, которое неис- черпаемѣе рудниковъ; кромѣ того онъ великій чародѣй; онъ заставляеть людей думать, какъ онъ хочетъ. Если въ его казнѣ одинъ миллионъ, а ему нужно два, онъ убѣждаетъ подданныхъ, что одинъ экю равенъ двумъ, и они вѣрятъ этому. Если предстоитъ война, а у него нѣтъ денегъ, онъ заявляетъ, что клочокъ бумаги—деньги, и всѣ убѣжда- ются въ этомъ. Онъ доходитъ даже до того, что его прикосновеніе къ людямъ получаетъ цѣлительную силу. Но есть еще болѣе могу- чій волшебникъ; его зовутъ папой; тотъ можетъ заставить вѣрить уже рѣшительно во все; по его мнѣнію, наприм. одинъ равенъ тремъ» и т. д. Вслѣдъ за тѣмъ передаются всѣ дразги, вызванныя «церков- ною конституціею». Нѣсколько далѣе персіяннинъ называетъ папу старымъ идоломъ, которому курять еиміамъ только по привычкѣ.—Таковы первые впечатлѣнія. Они еще усиливаются при новыхъ на- блюденіяхъ. Путешественникамъ становится яснымъ, что одряхлѣв- шій король, его 80-ти лѣтняя любовница и старый духовникъ, не по- нимающіе запросовъ жизни, должны были довести страну до разо- ренія. Они хвалятъ регента за то, что онъ въ первую же минуту кое-что измѣнилъ къ лучшему, снялъ съ народа нѣкоторыя подати